

Чевалков Михаил Васильевич

Памятное завещание

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Васильевич Ч.**
Памятное завещание / Чевалков Михаил Васильевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 96 с.

ISBN 978-5-521-29875-4

ISBN 978-5-521-29875-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

спросилъ Іакова: зачѣмъ ты молишься предъ принятіемъ пищи и послѣ принятія? Онъ отвѣтилъ: предъ принятіемъ пищи мы у Бога просимъ благословенія, а, поѣвши, благодаримъ Бога. Услышавши это и видя такой Богопріятный обычай, я осудилъ свои обычаи и сказалъ самъ себѣ: ты, когда хочешь ѣсть, не просишь благословенія Божія и, когда наѣвшись, не поблагодаришь Бога; наѣвшись и отойдешь, подобно псу; не чтишь Бога, дающаго тебѣ пищу. Я скорбѣлъ въ душѣ, что таковая вѣра наша нехороша. Тогда мнѣ было 9 лѣтъ.

Еще—однажды мы пошли съ Іаковомъ вдвоемъ, гдѣ находился ихъ пчельникъ. Поигравши мы легли на спину вверхъ лицомъ и смотрѣли на небо. Я спросилъ Іакова: что тамъ есть на небѣ? Іаковъ сказалъ: тамъ есть Богъ. Я спросилъ его: а какъ имя этого Бога? Іаковъ отвѣтилъ: Іисусъ Христосъ. Онъ создалъ всѣхъ людей, какіе есть на землѣ,—разнаго рода скотовъ, звѣрей и птицъ. Теперь онъ находится на небесахъ. Я спросилъ: а этотъ Богъ видитъ-ли насъ оттуда? Іаковъ отвѣтилъ: онъ видитъ и насъ и все, что мы дѣлаемъ днемъ и ночью. Кто Ему молится, Онъ тѣхъ любитъ, а кто не молится, тѣхъ не любитъ. Затѣмъ я еще спросилъ: а что онъ сдѣлаетъ съ тѣми людьми, которыхъ не любитъ? Онъ сказалъ: я слышалъ отъ матери моей, что тѣхъ людей, которыхъ Онъ не любитъ, Онъ пошлетъ въ огонь и тьму.

Послѣ этого я сталъ скорбѣть въ душѣ и осуждать самъ себя. Когда родители мои камлали (шаманили, — приносили жертву) и если въ это время заходилъ кто нибудь изъ русскихъ, мнѣ становилось стыдно передъ ними. Когда отецъ мой посылалъ меня пасти коровъ, то я иногда поднимался на Тугаю (Уттү-Кая) и, вставши на камень, на которомъ росъ баданъ (трава, которая употребляется вмѣсто чая), и, обратившись лицомъ къ востоку, кланялся, произнося имя Іисуса Христа. Такъ я кланялся, какія же молитвы слѣдуетъ произносить, не зналъ, но только повторялъ многократно: Боже, Іисусе Христе, не оставь меня, возьми меня къ себѣ!

Дѣти мои! Теперь и издалека мнѣ это мѣсто кажется прекраснымъ и до сихъ поръ оно не изглаживается изъ памяти моей.

Припоминаю еще: въ одинъ день я пришелъ къ товарищу своему Іакову, сижу у нихъ и вотъ входятъ къ нимъ два человека въ черныхъ одеждахъ, — на головахъ шапки съ накрывкой. Я, увидѣвши ихъ, хотѣлъ бѣжать, но одинъ изъ нихъ остановилъ меня, посадилъ возлѣ себя и далъ мнѣ пирожокъ съ красной смородиной. Я сижу и думаю: ѣсть или не ѣсть. Онъ, погладивши меня по головѣ, спросилъ: какъ твое имя? Кипріанъ, — отвѣтилъ я. Онъ сказалъ: я тебѣ расскажу одну повѣсть, а ты сиди, да хорошенько слушай. Послѣ этого, положивши мнѣ на плечо руку, онъ сказалъ: въ старыя времена былъ большой камъ Кипріанъ; онъ уходилъ на горы, чтобы изучать тамъ бѣсовское ученье и чернокнижіе. Изучивши все это, онъ могъ дѣлать, что хотѣлъ, но только не могъ бѣсовскими чарами одолѣть одной крещеной дѣвицы, по имени Іустины. Удивляясь этому, онъ спрашивалъ у своихъ главнѣйшихъ бѣсовъ, служившихъ ему: доселѣ вы могли дѣлать („*кубуктун*“ — превращать, показывать видъ чего нибудь, дѣлать посредствомъ превращенія) все, что хотѣли; какъ же теперь вы не можете одолѣть этой дѣвицы? Слуги его сказали ему: мы боимся Бога ея, такъ что не только къ ней самой, но даже къ дому ея не можетъ подойти. Услыхавши это, камъ пришелъ къ этой дѣвицѣ и спросилъ: въ какого ты Бога вѣруешь? Іустина рассказала ему объ Іисусѣ Христѣ. Послѣ этого камъ Кипріанъ крестился и послѣ крещенія сталъ великимъ священникомъ (архіереемъ), Божіею силою совершилъ многія чудеса, а теперь, послѣ смерти своей, пребываетъ въ вѣчномъ блаженствѣ, во свѣтѣ Божіемъ.

Я, выслушавши этотъ рассказъ, спросилъ: что ты за человекъ? какъ тебя зовутъ! Онъ, улыбаясь, сказалъ: я священникъ, по имени Макарій, — ты крестись и будешь какъ Божье чадо; некрещенные никогда не войдутъ въ свѣтъ Божій, но съ діаволомъ будутъ, пойдутъ въ тьму и огонь, откуда не выйдутъ никогда! Послѣ этого онъ началъ рассказывать, что будетъ вѣрующимъ въ Бога и что не вѣрующимъ. Я, слушая его рассказы, едва могъ удерживаться отъ слезъ. Желалъ бы и креститься, но боялся родителей. Я былъ тогда 11 лѣтъ. Когда мнѣ миновало 12 и наступилъ 13-й годъ, родители мои высватали для меня

невѣсту. Мать въ тотъ же годъ умерла отъ горячки. Послѣ смерти любимой матери моей, мнѣ доводилось меньше смѣяться, но больше плакать. Такъ я съ плачемъ провелъ два года. Въ теченіи этихъ лѣтъ я самъ и коровъ доилъ и бѣлье мылъ; самъ и приготовлялъ всякую пищу. На третій годъ отецъ мой женилъ меня на высватанной невѣстѣ. Мнѣ было тогда 16 лѣтъ. Жители Улалы въ это время начали принимать крещеніе. Когда вмѣстѣ съ нами еще два семейства не желали креститься, то о. Макарій сказалъ: вы—некрещенные,—если будете камлать, живя среди крещеныхъ, то они будутъ соблазняться. Поэтому, если не желаете креститься, то возвратитесь въ свое мѣсто, въ Кузнецкъ. Поэтому отецъ мой меня съ женой передалъ тестю моему и отправилъ въ Бачать ¹⁾. Такъ мы отправились въ путь и, когда стали удаляться отъ роднаго мѣста, я не могъ удержаться отъ слезъ. На третій день, когда горы Алтая скрылись изъ глазъ, мы выѣхали въ степь. И думалъ я про себя: зачѣмъ ты не крестился! зачѣмъ, не боясь Отца небеснаго и убоявшись отца земнаго, переселяешься въ Бачать?

Весной въ тотъ годъ, когда мы пріѣхали въ Бачать, въ одинъ день я сидѣлъ на горѣ Елбай и скорбно было у меня на душѣ. Въ это время ко мнѣ подошелъ Каймакъ, сынъ Оргона, и сказалъ: отъ этой Шанды за десять верстъ находится Бачатская волость,—тамъ есть церковь,—завтрашній день туда собирается много народу; завтра праздникъ „Муколы (Николы)—батушки“, поѣдешь ли туда? Я сказалъ: дороги не знаю, а то поѣхалъ бы. Каймакъ сказалъ: изъ Шандинскихъ тѣда многіе поѣдутъ; развѣ не поѣдешь съ ними? Я обрадовался, осѣдлалъ коня. Туда отправлялось много женщинъ и я поѣхалъ съ ними. Я не могъ ихъ догнать, потому что конь подо мной былъ плохой. Такъ я одинъ пріѣхалъ въ Бачать. Знакомыхъ, у которыхъ я могъ бы остановиться, у меня тамъ не было. Ёду одинъ по улицѣ, а у самаго на глазахъ слезы. Встрѣчается дядя мой Чёношъ изъ большаго улуса и говоритъ: ты, племянникъ, на праздникъ пріѣхалъ? Да, на праздникъ. И онъ поѣхалъ со мной.

¹⁾ Прежнее мѣсто пребыванія Чевалковыхъ.

Пріѣхали къ дому крестьянина Клемешева и остановились у него, и я и онъ. Заблаговѣстили. Я спросилъ у дяди: что это? Въ колоколъ звонятъ, чтобы народъ собирался въ церковь,—отвѣтилъ онъ. (А я до этого церквей не видывалъ). Такъ мы съ дядей пошли въ церковь. Къ намъ сбоку подошелъ какой-то человекъ и пошелъ вмѣстѣ съ нами въ церковь. На верхушкѣ шапки его—бумажныя кисточки, одѣтъ въ сюртукъ, на плечахъ бумажныя цвѣточки. Я, увидѣвши его, спросилъ у дяди: это не абызъ ли? (священникъ). Дядя сказалъ: это—дурачекъ Евсей. Я спросилъ: а онъ никому вреда не сдѣлалъ? Дядя отвѣчалъ: нѣтъ, этотъ человекъ никому зла не сдѣлаетъ. Такъ онъ вмѣстѣ съ нами и вошелъ въ церковь и съ нами же вмѣстѣ остановился у дверей церковныхъ. Когда мы молились, онъ часто взглядывалъ на меня и улыбался. Стоявшіе передо мной люди были выше меня и я изъ-за нихъ не могъ видѣть, что было впереди. Стоявшіе возлѣ меня, некрещенные телеуты кланялись, не полагая на себѣ крестнаго знаменія и я такъ же молился. Въ это время въ передней части церкви слышно было пѣніе многихъ людей, славившихъ Бога. Это пѣніе улаждало мое сердце до слезъ. Вышедши изъ церкви, мы съ дядей отправились въ квартиру, тамъ пообѣдали. Тогда дядя сказалъ мнѣ: ты что, племянникъ, такъ повѣсилъ голову; о чемъ ты скорбишь? Я отвѣтилъ: скупаю на чужой сторонѣ. Онъ сказалъ: здѣсь есть засѣдатель изъ нашихъ Телеутовъ,—добрый человекъ, пойдемъ къ нему, у него есть органъ—онъ намъ поиграетъ на немъ. Отправились. Онъ привелъ насъ въ горницу и спросилъ у дяди: чей это сынъ? Дядя отвѣтилъ: это мой племянникъ, — пріѣхалъ съ Алтая. Засѣдатель сказалъ: его надо грамотѣ учить. Дядя сказалъ: онъ тоскуетъ по родинѣ; поиграйте для него. Онъ сталъ намъ играть на органѣ. Я слушалъ; еще стало мнѣ тоскливѣе и я прослезился. Послѣ этого, засѣдатель угощалъ насъ чаемъ, налилъ рюмку вина, а дядя выпилъ двѣ. Отъ него мы возвратились домой. Вспоминая о своей родинѣ, я говорилъ самъ себѣ: зачѣмъ ты, не принявши этой вѣры, гдѣ такое прекрасное пѣніе, перѣхалъ сюда въ Бачать?

Я скорбѣлъ и плакалъ. Теща моя, видя мои слезы, гово-

рила: о чемъ ты тоскуешь и грустишь, сынъ мой? не пренебрегаетъ-ли тобой жена? ты мнѣ скажи. Я сказалъ: нѣтъ, она мною не пренебрегаетъ; я все думаю о своей родинѣ. Теща сказала: осенью поѣдемъ въ гости въ Улалу—скоро отецъ твой пріѣдетъ сюда. Отъ тоски я захворалъ и пролежалъ около недѣли. Когда я лежалъ въ болѣзни, въ это время вошелъ въ домъ мой отецъ, одѣтый въ бѣлую рубаху, въ черной шляпѣ на головѣ. Увидѣвши его, я заплакалъ. Отецъ сказалъ: о чемъ ты плачешь, сынъ мой? Я сказалъ: ты переселяешься сюда жить, а я поѣду опять въ Улалу креститься. Отецъ мой, видя меня плачущимъ, и самъ прослезился и сказалъ: если ты хотѣлъ креститься, сынъ мой, то зачѣмъ же не сказалъ тамъ? Я отвѣтилъ: я побоялся говорить тебѣ объ этомъ. А теща сказала: я свою дочь возьму назадъ. Я отвѣтилъ: если хотите взять, сами знаете.

Черезъ недѣлю послѣ этого, мы отправились назадъ въ Улалу. Многіе изъ нашихъ родственниковъ, пришедшихъ проводить насъ, плакали о насъ, какъ о покойникахъ. „Ты, Андрашъ, — говорили они, — послушался молодого сына своего; — ѣдешь креститься, — теперь ты намъ не родня“. Мнѣ непріятно было слышать ихъ причитаніе. Мы отправились и чрезъ пять дней прибыли въ Улалу. Осенью того года крестились. Я нареченъ былъ Михайломъ; отецъ мой названъ Василиемъ; жена моя Александрой; сестра моложе меня—Еленой, слѣдующая за ней—Анной, а самая младшая Маріей. У меня былъ еще братъ Ерокъ, моложе меня семью годами. Онъ, послѣ рожденія своего, когда было ему два мѣсяца, отцомъ моимъ былъ отданъ въ сыновья старшему брату его, у котораго дѣтей не было. Когда онъ достигъ 10-лѣтняго возраста, его отдали учиться грамотѣ;—названъ онъ былъ Адріаномъ: они крестились прежде насъ.

На лѣвомъ берегу р. Улалы находился домъ Михаила Ащавлова. Отецъ Макарій купилъ его и жилъ въ немъ. Мы жили на правой сторонѣ Улалы. Братъ мой, по обычаю, ходилъ къ о. Макарію учиться грамотѣ. Я, видя, что онъ учится грамотѣ, скорбѣлъ объ этомъ, говоря въ себѣ: мой младшій братъ научится грамотѣ, будетъ знать Слово Божіе и по нему разумѣть, что добро и что худо. А теперь я буду всѣхъ хуже и глупѣе,

Такъ я скорбѣлъ и молился въ сердцѣ своемъ: Боже мой, Иисусе Христе, да будетъ воля Твоя! Если это мое желаніе учиться грамотѣ угодно Тебѣ, то Ты Самъ вразуми и научи меня!

Въ одно время я, давши корму скоту, отправился къ о. Макарію. Онъ мнѣ рассказывалъ о Богѣ; я слушалъ это и рассказы его были для меня слаще меда. Рассказы его неизгладимо запечатлѣлись въ сердцѣ моемъ. Съ тѣхъ поръ я, подобно пчелѣ, которая нашла готовый медъ, каждый день вечеромъ приходилъ къ о. Макарію. Часто посѣщая о. Макарія, я просилъ его келейныхъ, чтобы они учили меня грамотѣ. Они отвѣтили: ты приходи къ намъ днемъ, — мы будемъ тебя учить вмѣстѣ съ братомъ твоимъ. Такъ я два дня сряду ходилъ учиться. Отецъ мой спросилъ меня: куда ты ходишь? Я отвѣтилъ: хожу все къ о. Макарію учиться грамотѣ. Отецъ мой сказалъ съ гнѣвомъ: довольно, если младшій братъ твой научится, а ты знай свое дѣло: грамотѣ учатся лѣнницы, — тебѣ лѣнь работать; люди смѣются надъ тобой и мнѣ самому человѣка два говорили: „ты сына своего учишь лѣниться, вотъ онъ ходитъ къ абызу, учится грамотѣ“. Послѣ этого я тайно отъ отца и отъ жены своей пошелъ въ „чуланъ“ и тамъ наплакался. Потомъ я сказалъ брату моему Адріану: когда будешь приходить обѣдать, приноси съ собой букварь. Адріанъ такъ и сдѣлалъ. Сходивши домой пообѣдать, онъ заходилъ къ намъ и читалъ букварь. Когда я, молча, сидѣлъ возлѣ него и смотрѣлъ вмѣстѣ въ букварь, отецъ мой сказалъ: ты что сидишь? работы не работаешь, а только портишь глаза? Поэтому я, исполняя въ домѣ работы, слушалъ чтеніе; какъ изучаютъ пѣсню, такъ я слухомъ изучалъ чтеніе азбуки. Когда отца дома не было, я просматривалъ слова и узнавалъ ихъ, спрашивая объясненіе у брата; но всѣхъ словъ я разбирать не могъ.

Въ одно время пришелъ десятникъ и велѣлъ мнѣ отвезти о. Макарія къ Майму, я запрегъ двѣ лошади, подѣхалъ къ дому о. Макарія; захожу—о. Макарій связываетъ въ кучу около 30-ти букварей. Я сталъ просить у о. Макарія: о. Макарій! благословите мнѣ одинъ букварь! О. Макарій улыбнулся, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: ты — женатый и семейный человѣкъ;

развѣ имѣешь свободное время учиться грамотѣ? Я отвѣтилъ: если Богъ вразумитъ, то научусь. О. Макарій взялъ одинъ букварь, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: если ты изъ этого буквари разберешь три слова, то я благословлю его тебѣ; но если не разберешь, то теперь не дамъ. Я, хотя и плохо разбиралъ, но началъ читать на память. О. Макарій, выслушавши, спросилъ: кто тебя училъ? Я отвѣтилъ: никто не училъ. Я самъ научился, когда Адрианъ читалъ букварь, я, занимаясь работой, прислушивался и заучилъ. О. Макарій сказалъ: ты не говори, что самъ научился; если Богъ не поможетъ, то человѣкъ самъ ничего не можетъ сдѣлать и ничому не можетъ научиться, поэтому, когда ты хочешь что-нибудь дѣлать,—говори: Господи Иисусе Христе, да будетъ воля Твоя! Если Тебѣ угодно мое начинаніе этого дѣла, то даруй твое благословеніе. И тогда, если Богу угодно, что хочешь дѣлать, Онъ непременно тебѣ поможетъ въ этомъ, а благословеніе Божіе проси съ вѣрою, а когда попросишь, надѣйся, что Богъ непременно дастъ и, если прошеніе твое Богъ исполнить, то не думай въ сердцѣ своемъ; „я самъ это сдѣлалъ“ Если ты подумаешь, что это отъ тебя самого сдѣлалось, то діаволъ расхититъ сѣмена твоего добраго дѣла, подобно птицѣ, уносящей сѣмена пшеницы“. Преподавши это наставленіе, онъ положилъ свою руку мнѣ на голову и стоялъ, молча. Послѣ того благословилъ мнѣ тотъ букварь. Получивши этотъ букварь, я съ великою радостью спряталъ его за пазуху. Когда я вынесъ вещи въ таратайку, о. Макарій вышелъ и сѣлъ, сказавши: вези меня въ Майму. Пока мы доѣхали до Маймы, онъ все училъ меня. Возвратившись домой, я спряталъ букварь подъ сарай. Послѣ этого, отправляясь на работу, я бралъ букварь съ собой и дорогой учился разбирать слова. Если замѣчалъ, что кто-нибудь ѣдетъ мнѣ на встрѣчу, то я, еще издали увидавши его, пряталъ мой букварь за пазуху; а когда онъ проѣзжалъ, то я опять продолжалъ учить. Иногда я просилъ брата указывать мнѣ, а иногда вечеромъ, тайно отъ отца, уходилъ къ о. Макарію и учился у его келейныхъ.

Въ одинъ день вечеромъ я пришелъ къ о. Макарію. Когда я зашелъ, о. Макарій вышелъ, подошелъ ко мнѣ на встрѣчу и

спросилъ меня: ну, что научился-ли грамотѣ? Я отвѣтилъ: Слава Богу! не много знаю. Онъ мнѣ вынесъ книгу —Вѣтхаго Завѣта и заставилъ меня изъ нея прочитатъ. Я прочиталъ строкъ пять. Онъ обратилъ взоръ свой къ небу и сказалъ: да благословить тебя Господь отъ Сіона, сотворивый небо и землю! Сказавши это, благословилъ эту книгу мнѣ. Послѣ этого за руки подвелъ меня къ стулу и посадилъ, а самъ сѣлъ возлѣ меня и началъ мнѣ повѣствовать Слово Божіе. Онъ сказалъ: кто терпитъ горькое, тотъ найдетъ сладкое, кто плачетъ, тотъ будетъ радоваться, — ты не обижайся, что люди оскорбляютъ тебя, не питай ненависти къ тѣмъ, которые сдѣлали тебѣ зло и довели тебя до слезъ.—Господь за насъ грѣшныхъ сошелъ съ небесъ на землю и претерпѣлъ за насъ крестныя страданія, но не мстилъ своимъ мучителямъ. Такъ, Богъ нашъ, Иисусъ Христосъ своими страданіями, своей кровію искупилъ насъ отъ вѣчной смерти и огня неугасимаго. Кто ради Бога претерпитъ скорбь, тотъ симъ путемъ Божиимъ достигнетъ Его блаженства, ибо Богъ сказалъ: возьми крестъ Мой и иди за Мною, и еще сказалъ: кто ради Меня душу свою погубить, тотъ найдетъ ее, Выслушавши эти слова, сладчайшія меда, я возвратился домой, какъ бы послѣ обильнаго обѣда. Когда я пришелъ домой, отецъ спросилъ: гдѣ ты былъ? Я досталъ изъ-за пазухи книгу и, показывая ее, сказалъ: я ходилъ къ о. Макарію,—онъ далъ мнѣ эту книгу и велѣлъ учиться. Отецъ сказалъ: ну-ка, почитай. Я началъ ему читать съ записками. Отецъ мой, послушавши, сказалъ: „ужъ если ты столько знаешь, то, пожалуй, на свободѣ учись“. Отъ этихъ словъ свѣтло и радостно стало у меня на душѣ, подобно тому, какъ въ темную ночь освѣтитъ огонь или въ пасмурный день покажется солнце.

Получивши столь отрадное для меня благословеніе отца моего, по вечерамъ, давши скоту корму, я сталъ ходить къ келейнымъ о. Макарію, чтобы продолжать ученіе. Когда у нихъ не было свободнаго времени, я послѣ напрасныхъ ожиданій возвращался домой.

Тамъ былъ одинъ вдовый священникъ по имени о. Василій. Онъ мнѣ много разъ говорилъ: „что у тебя дома дѣла нѣтъ что ли,—что ты шатаешься сюда?“ Слушая эти упреки, я воз-

вращался домой со слезами, говоря самъ себѣ: должно быть я такой ужъ несчастливецъ, что встрѣчаю себѣ въ этомъ такіа препятствія.

Еще,—въ одинъ день я пришелъ къ о. Макарію. Онъ тогда пилъ чай. Я подошелъ къ нему, получилъ благословеніе, потомъ отошелъ назадъ и сталъ у двери. О. Макарій сказалъ, „сидись тамъ на стулѣ“. Я поклонился и сѣлъ. Онъ налилъ мнѣ чаю. Я сталъ пить. Онъ спросилъ меня: „каковъ? хорошо ли живешь?“ Я сказалъ: „слава Богу,—хорошо“. Онъ еще спросилъ: „по утрамъ молишься ли Богу?“ „Молюсь *жѣ*“ — отвѣчалъ я. „Такъ ты молишься *жѣ*? Значить, ты лѣниво молишься. Ты такъ не молисъ, но молисъ вотъ какъ: войди въ сердце свое и молисъ Богу втайнѣ. Когда ты будешь такъ молиться, то Отецъ Небесный дастъ тебѣ царствіе небесное *явѣ*; когда же молишься, стой со страхомъ какъ будто видишь предъ собою Бога; молисъ же, говори такъ: Боже мой, Иисусе Христе, спаси меня прѣшлаго! Много я содѣлалъ грѣховъ предъ лицомъ Твоимъ, спаси меня! Ты нозримо для меня видишь меня, знаешь помышленія сердца моего!“ Послѣ этого онъ всталъ, взялъ въ руки евангеліе и, стоя предо мною, сказалъ: въ этой книгѣ написано житіе самого Бога и Его ученіе, а также дѣла и ученіе учениковъ Его. Ты каждый день читай отсюда по одной главѣ. Если ты будешь читать отсюда съ вѣрою, то ты подобенъ будешь слышавшему слово изъ устъ Самого Бога. Сказавши это, онъ перекрестилъ меня, далъ поцѣловать книгу и благословилъ ею меня. Принявши это благословеніе, я съ великою радостію и облегченіемъ пришелъ домой, какъ будто нашедши самоцвѣтный дорогой камень. Эту книгу я показалъ отцу. Отецъ сказалъ: если у тебя есть смыслъ разумѣть слово Божіе, то по этой книгѣ ты будешь учить другихъ, а если нѣтъ, то она будетъ напрасно валяться въ домѣ. Теперь молисъ Богу, да поможетъ Тебѣ Богъ!

Эта книга была напечатана на двухъ языкахъ: на одной сторонѣ по русски, а на другой по славянски. Да даруетъ Господь, сотворившій небо и землю, блаженство и свѣтъ о. Макарію, чрезъ котораго я сподобился такого блага и счастья, ибо я, подобно птицѣ, собирающей зерна, по повелѣнію его, нау-

чаясь заповѣдамъ Божиимъ, сталъ проводить дни въ радости. Иногда же въ моемъ сердцѣ начинали забываться благодѣянія Божіи, тогда я подобно птицѣ, у которой истощились зерна, собранныя ею въ пищу себѣ, опять приходилъ къ о. Макарію, и онъ опять насыщалъ, услаждалъ и согрѣвалъ меня словами Божиими. Такъ я въ продолженіи трехъ лѣтъ ходилъ къ о. Макарію, подобно пчелѣ, нашедшей для себя готовый медъ. Иногда, когда я дѣлалъ что-нибудь противное Богу, онъ заставлялъ меня плакать, ставя меня на колѣни, чтобы молиться Богу. Да даруетъ ему Господь Богъ свѣтъ и блаженство! Не худому онъ училъ меня, но только доброму и полезному для души моей.

Однажды я пришелъ къ о. Макарію. У него сидѣли Осипъ Наурчаковъ и Павелъ Сурочаковъ. Отецъ Макарій, увидѣвши меня, подошелъ ко мнѣ и, благословивъ меня, посадилъ на стулъ. Они трое пореводили житіе Іосифа, а я сидѣлъ въ сторонѣ. Переводя это житіе на Алтайскій языкъ, они не могли подобрать для перевода русское слово „ибо“. О. Макарій подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „какъ по вашему сказать „ибо“? Я отвѣтилъ: „вы мнѣ скажите примѣръ“. Онъ представилъ примѣръ. Я сказалъ: „это по нашему значить „тезе“. О. Макарій, призвавши послушника Стефана Васильевича, сказалъ: „наставь-ко „желтый“ ¹⁾—будемъ на радостяхъ чай пить; много лѣтъ необрѣтаемое слово теперь нашлось!“ Послѣ этого о. Макарій сказалъ мнѣ: „въ свободные дни ты приходи ко мнѣ,—мы вдвоемъ будемъ переводить житіе Іосифа; тебѣ это будетъ полезно и будешь изучать Свящ. Писаніе“. Послѣ этого я въ свободное время приходилъ къ о. Макарію до тѣхъ поръ, пока кончили переводъ житія Іосифа. По окончаніи этого перевода, о. Макарій благословилъ меня образомъ Святителя Митрофана и сказалъ при этомъ: „Съ этого дня ты будешь моимъ толмачемъ для перевода Слова Божія“. Съ этого времени я служилъ у о. Макарія толмачемъ около пяти лѣтъ. Мы вдвоемъ переводили молитвы, а также перевели нѣсколько и изъ Евангелія. Однажды, въ ночное время, во время занятія переводомъ Евангелія, о Макарій закрылъ глаза и, по-

¹⁾ Самоваръ.